

Глава 425: Отсечение не может продолжиться

В море Млечного Пути плыл остров. С неба можно было увидеть, что он имел форму черепахи. За последние годы он стал одной из загадок моря Млечного Пути. Вечно окруженный туманом, он странствовал среди волн. Внезапно остров остановился, а из его глубин вырвался яростный рык:

— А ну, пошел отсюда! Ублюдок! Стоило мне только уснуть, как тут заявляешься ты со своими проблемами? Думаешь, мне нужны воспоминания об этом сморчке Мэн Хао? Проклятье! А теперь, проваливай!!!

Громоподобный голос патриарха Покровителя начал настоящий шторм в море Млечного Пути.

— Как такое вообще возможно?! Как мне завершить отсечение? Как?! — беспокойно сказал скрипучий голос.

Он был сконфужен и выведен из себя самим существованием Мэн Хао. На другом острове в море Млечного Пути перед мольбертом стоял скрюченный старик. Он рисовал высокого, крепко сложенного мужчину, позирующего перед ним. Внезапно кисть замерла, а старик хмуро посмотрел куда-то в небо. В глубине его глаз на секунду вспыхнул странный огонек.

— Карму людей в моей памяти нельзя отсечь Небесами Цзи, — сказал он мягко[1].

Он поднял кисть над головой и резко взмахнул. С неё сорвалась капля краски, которая растаяла прямо в воздухе. Внезапно небо над островом сделалось угольно-черным. Из пустоты послышался чей-то отчаянный вопль. Это кричал древний Цзи Девятнадцатый.

Когда он завопил, все практики, кого коснулось уничтожение нитей Кармы, неожиданно вздрогнули. Нити, соединяющие их с Мэн Хао, начали восстанавливаться, возвращаться из небытия. Но после своего уничтожения они теперь стали крепче и тверже прежнего.

Лицо Чу Юйянь было белым как мел. Она открыла глаза и молча посмотрела на слово "Мэн", выведенное кровью на стене. Она медленно подняла руку и дописала слово "Хао". Дух Пилюли убрал целебную пилюлю и безмолвно направил взгляд вдаль. Но из его глаз никуда не делась решимость и твердость. Толстяк почесал голову, совершенно запутавшись в происходящем. Внезапно он вздрогнул и пораженно охнул: к нему вернулись воспоминания. В голове тут же возникло лицо Мэн Хао. С Чэнь Фаном произошло нечто подобное, как и с остальными людьми в Южном Пределе. В Черных Землях и Западной Пустыне внезапно пришли в норму все практики, чьи нити кармы были отсечены.

Сюй Цин нервно покусывала губу, с тревогой поглядывая на флакон для пилюль в руке. Когда к ней вернулись воспоминания о произошедшем, она поежилась, словно от холода. Теперь она знала, какая тоска и неодолимое чувство одиночества накроют её, если Мэн Хао внезапно исчезнет из воспоминаний. В тишине она стиснула зубы. Она понимала, что только сила может действительно решить все проблемы. Сейчас она как никогда была настроена во что бы то ни стало слиться с воспоминаниями Праматери Феникс и поднять уровень своей культивации.

В Западной Пустыне, в жерле вулкана — в самом центре святой земли Ворона Божества — в пруду судьбы стоял дрожащий Мэн Хао. Услышав отчаянный вопль, он резко открыл глаза и увидел, как серебряная рыболовная леска почернела. Чернота распространялась всё дальше, превращая леску в дым и пепел. Глаза Мэн Хао холодно сверкнули. Он не знал, что именно произошло, но у него перед глазами до сих пор стояла сцена отсечения Кармы старика-червя. Поэтому он легко мог представить, какой страшной участи избежал.

Его глаза полыхнули жадной убийства, когда он заметил неясную фигуру перед собой. Это был образ объятого черным пламенем практика. Он кричал и пытался исчезнуть из этого места. Среди криков неизвестный постоянно повторял одно имя.

— Шуй Дунлю, это Шуй Дунлю...

Глаза Мэн Хао заблестели. Он молниеносно прижал к лицу кровавую маску. Из неё в культивацию хлынул поток безумной силы. Испуская волны кровавого ци, он бросился вперед.

Кровавый Палец. Кровавая Ладонь. Кровавый Мир Смерти!

Все три техники с грохотом обрушились на иллюзорную фигуру. С возрастающей жадной убийства он опять взмахнул рукой. Вызванная Лотосовая Формация Мечей и её сила времени устремились в атаку.

— Сдохни! — холодно закричал Мэн Хао.

Рукой он выполнил магический пасс и указал пальцем на фигуру. Гильотина Пурпурного Ци, Гаротта Пурпурного Ци и Пурпурный Лунный Серп оглушительно взорвались в фиолетовой вспышке.

— Без лица, одно лишь слово, пламя войны сомкнулось!

Мэн Хао надавил рукой на маску. Тут же возникло гигантское лицо. Открылся огромный рот и беззвучно произнес эти слова. А потом лицо с рокотом полетело к иллюзорной фигуре. Под отчаянные вопли врага Мэн Хао бросился в атаку, на ходу натянув перчатку клана Фан. Он размахисто замахнулся и ударил. Сжигаемый жадной убийства, он всё бил и бил, пока не нанес больше сотни ударов.

Каждый такой удар содержал в себе невероятную силу. Грохот ни на секунду не прекращался. Иллюзорная фигура, похоже, находилась на грани распада. Она выглядела так, будто её запечатали и лишили способности двигаться. Даже культивация фигуры стала до ужаса слабой. Она не оставила попыток исчезнуть и сбежать, но Мэн Хао выполнил магический пасс Восьмого Заговора Заклинания Демонов. Когда фигура застыла, лицо Мэн Хао перекосила кровожадная гримаса. Ни одна из магических техник не сработала на этой фигуре. И всё же Мэн Хао не желал отпускать её.

Он уже убил сына клана Цзи, поэтому не боялся расправиться с Цзи Девятнадцатым. Ведь если оставит ослабевшего старика в живых, то в будущем он наверняка не оставит его в покое. Стиснув зубы, Мэн Хао надавил на кровавую маску.

— Флаг о трех хвостах! — прорычал он.

Это был самый могущественный магический предмет в арсенале! Учитывая его уровень культивации, он с большим трудом мог управиться всего с одним хвостом. В этот раз флаг появился не в виде иллюзии. Как только команда слетела с губ Мэн Хао, всё вокруг затопила сила, а потом появилось полотнище цвета крови. Как только оно поднялось над рукой Мэн Хао, Небо и Земля содрогнулись. Полотнище крепко стянуло Цзи Девятнадцатого и потащило его к Мэн Хао. Цзи Девятнадцатый закричал со смесью ужаса, изумления и недоверия.

— Это... это же... Императорское Знамя Горы и Моря!

На место иллюзии, которая лишь частично находилась в этом мире, Мэн Хао насильно вытянул

старика. Тот выглядел весьма потрепано: на лице виднелись ожоги и следы черной краски, аура находилось в абсолютном хаосе. Сейчас неизвестная сила подавляла его, оставив ему лишь силу стадии Создания Ядра. На его лице было написано изумление. Он никак не мог поверить, что его насильно затащили в этот мир.

— Невозможно! Это не может быть Императорское Знамя. Легендарное Императорское Знамя было уничтожено...

— Что еще за Императорское Знамя, сука?! — рявкнул Мэн Хао.

Его лицо было перекошено от ярости. Он вспомнил слова, сказанные Шуй Дунлю много лет назад о том, что людей из его памяти невозможно уничтожить Кармическим Отсечением клана Цзи. Мэн Хао ни капли не сомневался, что без Шуй Дунлю был бы уже мертв. В ярости он неосознанно перенял некоторые манеры попугая. Он сжал кулак и ударил, что было сил. Кулак с грохотом обрушился на старика.

— Ты жалкий смертный, как смеешь ты ранить меня? — закричал он. — Ты...

Бум!

— Думаешь, сможешь убить меня?!

Бум!

Мэн Хао наносил удар за ударом. Он прекратил избиение только тогда, когда тело старика было на грани уничтожения. Но его изначальная культивация находилась на совершенно ином уровне. Несмотря на могучие удары, тело старика стремительно восстанавливалось.

— Ничтожный смертный, ты ранил и вытащил меня из мира Цзи. Когда я восстановлюсь, я задушу тебя голыми руками!

С холодным блеском в глазах Мэн Хао отвел руку. Он пронзительно посмотрел на старика. Тот удивленно встретил его взгляд, а потом холодно захохотал. Но в этот момент Мэн Хао молниеносно выполнил магический пасс и надавил рукой на лоб старика.

— Жалко будет тебя убивать. Но твоя кровь вместе с кровью сына Цзи поможет мне создать Кровавый Дух!

— Мое восстановление идет быстрее, чем ты успеваешь наносить свои жалкие порезы, — хищно отозвался старик.

Внезапно Мэн Хао вызвал Лotosовую Формацию Мечей. На старика обрушились волны неумолимого Времени. Старик скривился, но всё равно насмешливо фыркнул.

— Если бы ты был хотя бы в два раза сильнее, тогда может у тебя чего и вышло. Но с таким уровнем силы Времени даже и не мечтай!

— Не мечтай, говоришь? — спросил Мэн Хао, его глаза сверкнули презрительной холодностью.

Он вытащил четыре деревянных меча и вонзил в тело старика, чем сильно помешал исцелению. Изначальная надменность и высокомерие старика в миг улетучились, стоило ему увидеть, как в тело вонзились четыре меча.

— Проклятье! — в отчаянии закричал он. — Проклятье! Это же Мечи Разящие Бессмертных! Т-

т-т-ты... да, кто ты вообще такой?! Откуда у тебя столько этих мечей?! Хотя печать с них снята не полностью... они всё равно остаются Мечами Разящими Бессмертных!

Его раны резко усугубились, а скорость восстановления стала черепашей. Под разнообразными пытками Мэн Хао Цзи Девятнадцатый понял, что угодил в серьезный переплет.

— У меня еще куча времени, чтобы вдоволь тебя помучить! — холодно процедил Мэн Хао.

Тем временем... В Великом Тан, что в Восточных Землях, стоял роскошный особняк. Внутри сидела вспыльчивая девушка по имени Фан Юй, которую Мэн Хао повстречал несколько лет назад. Откуда Цзи Девятнадцатому было знать, что эффект его Кармического Отсечения доберется до Великого Тан в Восточных Землях. Фан Юй вытерла кровь с губ и в ярости вскочила на ноги. Она уже направилась к двери, когда женский голос, полный неопишуемой ярости, сотряс особняк до основания. Он доносился из запретной зоны на заднем дворе особняка.

— Клан Цзи!!!

Услышав крик, Фан Юй изменилась в лице. Она увидела, как в её сторону из запретной зоны кто-то вылетел. Это была со вкусом одетая женщина в расцвете сил. Сейчас на её красивом лице застыло мрачное выражение. С её появлением всё вокруг потускнело, даже воздух начал вибрировать. Земля задрожала, а на стенах, стоящих неподалеку домов, несмотря на защищающие их сдерживающие заклатья, появились трещины.

— Мама... — с дрожью в голосе сказала Фан Юй.

Никого в мире она так не боялась, как свою мать.

— Ты идешь со мной! — отрезала женщина.

Именно эта женщина появилась в клане Сун Южного Предела. Её глаза засветились жадой убийства, когда она повернулась в сторону, где располагался особняк клана Цзи в Великом Тан Восточных Земель.

— Мам, нельзя действовать с горяча. Отец говорил...

— Не надо напоминать мне, что сказал твой отец. Ты идешь или нет?

Глаза в форме феникса этой женщины полыхнули чудовищной жадой убийства.

[1] Это прямая отсылка к его фразе в главе 208.

<http://tl.rulate.ru/book/96711/118463>